

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию
Сулова Андрея Александровича
«Концепты пространства и времени в русской сказке
(философско-культурологический подход)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по
специальности 24.00.01 – Теория и история культуры

Диссертационное исследование Сулова Андрея Александровича посвящено изучению форм проявлений концептов пространства и времени в русской сказке с позиции философско-культурологического подхода. Тема представленной диссертации безусловно, актуальна. Среди широких масс населения внимание и интерес к сказке колоссален. Историография вопроса исчисляется более двух сотен лет. Сегодня изучение сказки, действительно актуально именно в поле философского дискурса с позиции теории и истории культуры, в связи с чем, заявленная диссертантом тема вызвала безусловный интерес и массу ожиданий.

С первых же страниц диссертант обосновывает «использование слова «концепт» в работе», которое, по его мнению, «в большей степени, чем слово «понятие» позволяет отразить культурно-философское содержание» (с. 4). С одной стороны, это, безусловно, верное решение и заявление, но это лишь декларация, так как на протяжении всей диссертации, для обозначения исследуемых «концептов» автор использует слова «понятие», «явление», «феномен» и, чаще всего, «идея». Кроме того, автор больше не обращается к методологии культурно-философского дискурса использования и наполнения понятия «концепт».

С другой стороны, автор не уточняет, содержание чего в большей степени позволяет отразить данное «слово». И это общее место для диссертации: с завидным постоянством диссертант использует неполные, нераспространенные конструкции предложений, огромное количество указательных и притяжательных местоимений, что оставляет читателю лишь возможность предполагать и догадываться, о чем идет речь в каждом конкретном случае. Это значительно снижает общее впечатление от работы, как свидетельство недостаточного владения научным стилем изложения, наравне с грамматическими, пунктуационными, и в особенности, стилистическими и речевыми ошибками. Значительное число предложений в диссертации несогласованы, с точки зрения русского языка. Отсутствует и единообразие в оформлении текста (с абзацным отступом и без него, выравнивание по середине или по ширине текста, между и после инициалов цитируемых авторов пробелы то есть, то их нет...), что оставляет впечатление некоторой неряшливости или поспешности при написании работы.

Причем, речь идет не только о формальной стороне вопроса, общей грамотности, но и о концептуальном содержании работы. Концептуальность, идейное единство, верность четкой исследовательской позиции отсутствуют на протяжении всей работы. Автор так до конца не определился с тем, что такое сказка, какова ее природа. В диссертации не только в разных ее частях, но и на одной странице сказка тождественна мифу, философии, науке, вбирает в себя миф, наследуя ему, разрушает миф, десакрализует его, лишая архаической религиозности или символично-образной сути и при этом вбирает в себя все эти особенности мифа, продолжая его. Сказка наследует мифу и существует с ним одновременно. То же самое с мифом: он то исчез, растворился в прошлом, в результате чего современное человечество обречено, то мифом называется современное телевидение и интернет. Неоднократно как синонимы в тексте используются понятия миф, сказка, мифология, мифологическое сознание, архетип, архаическое сознание, мифологическое мышление и так далее. И также неоднократно эти понятия рассматриваются как взаимоисключаемые.

Русская сказка в тексте диссертации рядоположена мифам «многих народов». Не сказке каких-то конкретных народов, а почему-то именно мифам. При этом не упоминается ни одного конкретного мифа. Когда речь идет о содержании сказки, то оно также неотлично от

содержания мифов. Баба Яга и Кощей оказываются не только сказочными героями, но и героями славянской мифологии. Мифология и миф, как синонимы неотличимы от сказки.

Что касается, собственно, содержания работы, то она сплошь состоит из цитат различных авторов, которые исследовали сказку с позиций литературоведения, истории возникновения, бытования, отражения историко-этнографических и психологических особенностей русского народа, лингвистики и истории языка и культуры и, конечно, с позиции культурологии.

Нельзя сказать, что при всем массиве приведенных исследовательских позиций автор в тексте не ссылается на работы, в которых они опубликованы. Однако, в абсолютном большинстве случаев, диссертант дает лишь ссылку на публикацию, не называя имени автора, чей текст он приводит. То есть ссылки не вписаны в текст работы. Более того, зачастую, ссылаясь на позицию или аргумент того или иного выдающегося ученого, приводимый им фрагмент сказки, диссертант дает ссылку не на их работы, а на других более поздних исследователей, которые анализируют позицию, например, Б.А. Рыбакова или В.Н. Топорова, хотя в списке использованной литературы названные авторы все же присутствуют. При этом, в тексте постоянно присутствуют отсыл к неким множествам: «множество различных трактовок», многие ученые, «многие филологи и психологи», исследователи, сказки, мифы... Без указания конкретных имен, сюжетов, названий. Так, автор утверждает, что «предпринятый в работе анализ учений различных мифологических школ позволил определить, что роднит миф и сказку единая система взглядов и общая природа происхождения» (с. 144). Во-первых, непонятно о каких «мифологических школах» идет речь, а во-вторых, это очевидный тезис на сегодняшний день, разделяемый большинством исследователей.

Автор не придерживается четкого ретроспективного взгляда на значимость и общепризнанность тех или иных исследователей, отраслей знания. В одном ряду оказываются, с одной стороны, некие необозначенные «мифологи, антропологи, эволюционисты» (с.20)... С другой стороны, в соседнем ряду оказываются отечественные и зарубежные исследователи различных эпох, при этом более ранние могут упоминаться в перечислении после тех, кто жил за сто лет до них, а всемирно известные классики стоят рядом с современными соискателями научной степени: «Б.А. Рыбаков, С.А. Плетнева, Г.Т Бокль, А.И. Треножкин (вероятно, Тереножкин? – Д.К.), А. Полетаев, С.В. Савченко, И. Савельева, Чой А. Енг, О. Шпенглер» (с.16). И в другом месте: «Онтологический статус времени был одной из центральных проблем в работах Зенона Элейского, Платона, Аристотеля, Г.Галилея, Г.Лейбница, Ф.Энгельса, Лосева А.Ф., Хайдеггера М., Шелера М., Ж.Женетта, Н.А. Козырева» (с.94). Порядок и написание сохранены! При этом автор несколько раз в разных параграфах работы начинает анализ русской сказки с обзора философских идей классического античного мира.

В работе отсутствует логика переходов от рассмотрения позиции одного автора к другому, что дополняется отсутствием последовательности и преемственности между заявлением названия параграфа, его содержанием и декларируемым выводам в конце. Так, в первом параграфе заявлена типология методологических подходов в изучении русской сказки, но в заключении параграфа сказано лишь о том, что сказка изучается «историей, психологией, социологией, лингвистикой и другими науками». Вывод, сделанный в конце второго параграфа второй главы никак не соотносится с текстом самого параграфа. В конце первого параграфа 3 главы анонсировано рассмотрение различий темпоральных идей в разных типах сказки, но в выводах по второму параграфу об этом ничего не сказано.

Размышления автора порой являются самостоятельным феноменом диссертации, не связанным с доказательствами или ссылками на конкретный источник, сюжет, сказку. В целом, когда речь идет об оригинальном тексте, а не о наборе цитат, в диссертации доминирует просторечный, обыденный стиль, профанная манера рассуждения или присутствует подмена доказательной базы и рассуждений художественным слогом: «Казалось бы, вечный спор о первичности яйца или курицы, ответа на который никогда вероятно не последует, символизирует вселенский порядок и концепцию мира в его

гармонии в целом. Яйцо совершенно, оно гладкое и ровное, но с другой стороны легко уязвимое и хрупкое. Это соразмерно гармонии и стабильности, весь мир как яйцо» (с. 88); «Рождение, возобновление жизни связывалось с детством. Возможно, именно поэтому к сказкам так проникаются дети с их детским миром и сознанием» (с. 117); «Оказывается, что время вовсе не едино и одинаково для всех. Время само собой для человека и культуры вряд ли познаваемо» (с. 95). Заявление о непознаваемости или невозможности получить ответы на вопросы для диссертации, не совсем уместны.

Автор многократно повторяет вывод о первичности мифологического сознания, без указания относительно чего оно первично и указания на тех, кто с подобным тезисом сегодня бы не согласился. То есть, вряд ли этот факт требует доказательств, являясь общепризнанным.

Не могу согласиться с неоднократным заявлением автора о том, что образно-символическая природа сказки (вероятно, все же, форма ее выражения), указывает на неразрывную связь с языческими представлениями. С одной стороны, это противоречит заявлению самого диссертанта о том, что «десакрализация политеистической системы верований, утверждение христианства на Руси способствовали рождению сюжетов, жанровому своеобразию, мотивов русских фольклорных сказок на основе рефлексивного закрепления образно-символического отношения к миру. С другой стороны, неоднократно постулируемый диссертантом данный тезис противоречит убедительной аргументации А.С. Уварова, С.С. Аверницева, Г.М. Прохорова или О.Ю. Тимониной

В работе много противоречивых мыслей: «В этой сказке сюжетная линия достаточна проста и очевидна, но сложна по сути» (С. 87); «сказки в целом – это продукты воображения, фантазии, описания событий, происходящих в очень давние времена» (с. 97); «Складывается ощущение, что сказки были и будут всегда. Возможно, феномен отсутствия времени и пространства вызван пониманием сказкой идей о бесконечности и одновременно непознаваемости этих явлений» (с. 98). Последнее вызывает главный вопрос, если в сказке отсутствуют время и пространство как феномен, если они непознаваемы, то как они могут быть предметом исследования?

Автор делает вывод об особой значимости процесса производства в сказках «Неслучайно, что зима в сказках воспринимается как очень долгий сезон года, а лето как короткий. Скорость времени в данном случае связана с занятостью, выполнением работы. Основной цикл сельскохозяйственных работ приходится на лето» (с. 102). Бесспорно, но теплое время, на территории происхождения и бытования русских сказок очевидно короче, чем холодное, независимо от видов и интенсивности труда.

Многие тезисы диссертантом выдвигаются без какой либо аргументации и зачастую вызывают вопросы в части соответствия общепринятым научным данным: «Сказка, вероятно, изначально создавалась как небольшое произведение для ее обдумывания, самостоятельного завершения» (с. 102); Сказка учит, что истина вне сознания человека, что нет вечных устоев и ценностей, в силу этого возможно нет и абсолютного добра и зла»; «Словообразование в русском языке уникально и самобытно. Главная особенность морфологии нашего языка состоит прежде всего в свободе слов в предложении, полете мыслей, наличия множества синонимичных слов» (с. 104-105).

Кроме художественного слова, диссертант использует антропоморфизацию как прием для выдвижения того или иного тезиса: «Сказка учит, что истина вне сознания человека, что нет вечных устоев и ценностей, в силу этого возможно нет и абсолютного добра и зла...», «Мифологическое сознание, воплотившееся в русской сказке, со свойственным ему синкретизмом наделяет многие категории, концепты, идеи признаками вечности, единой смысловой заданностью» (с. 161). Согласиться со столь неожиданным заявлением об относительности добра и зла, отсутствия устоев и ценностей без знания оснований, на которых оно сделано, просто невозможно.

В работе присутствует некритическое транслирование мифопоэтических взглядов А. Афанасьева, идеологизированно предвзятых взглядов Б. Рыбакова и иных авторов советского периода, альтернативных историко-лингвистических взглядов авторов

постсоветского периода (с. 107-108, с 112.). Утверждение, что «заимствования в русских сказках были редки и случайны, сюжет, семиотика сказок уникальны» (с. 20) – броское, неразвёрнутое, не подкреплено доказательствами и обоснованием.

Диссертант предъявляет к авторам прошлых столетий требований, исходя из реалий 21 века, а не в контексте исторического и методологического контекста их эпох, порой переходя даже к спору или некоторому укорению исследователей, скажем, первой половины 19 века. При этом в работе есть и недооцененность потенциала и результатов работы некоторых исследователей. Так Э. Тайлор, в противовес заявленному диссертантом, все же имел объяснение «первопричины выявленных закономерностей человеческого развития, основы единой природы мифологического мышления и появление первознаний». Кроме того, упоминая Э. Тэйлора, невозможно пройти мимо Д. Фрезера, что сделал диссертант, так как, в отличие от первого он не только дает теоретический материал, но и приводит многочисленные примеры проявления мифологического сознания, в том числе, ссылаясь на российские реалии 19 века разных губерний.

Автор, обращаясь к содержанию сказок, проецирует собственные или современные стереотипы в сказки, в народное творчество далекого прошлого: «Золотое кольцо - символ единения и сплетения любящих сердец». «Прощание символизирует смерть, потерю невинности, что является почвой для будущего рождения, если следовать «колесу» вечности времени славянской мифологии сказки» (с. 157), «Сам по себе брак связан с обнажением, близостью супругов»; «Черный цвет символизировал смерть, белый – жизнь, красный, рыжий, золотой – рождение.(с. 112). Как раз, наоборот, в славянской, и шире - индоевропейской традиции черный цвет – полнота, а белый – пустота, смерть.

Диссертант говорит, что «неслучайно рассказчики сопровождали свои рассказы напеванием и игрой на гусях», при этом он ссылается на Г. Честертона. Удивляет, что при разговоре о русских сказках автор ссылается на английского писателя. При этом следует сказать, что в этнографической практике сказительство под гусли не зафиксировано.

Выдвинутая во Введении гипотеза диссертации слабо артикулирована в тексте работы, а ссылки на работы Е.М. Мелетинского В.Я. Проппа, В.Н. Топорова, М.М. Бахтина Е.С. Новик скорее доказывают разработанность предложенного тезиса в отечественной теории и истории культуры как раз в работах указанных предшественников диссертанта.

Сама структура работы также вызывает некоторые вопросы, например, в последнем параграфе автор заявляет анализ различий «темпоральности в разных типах сказок», при этом текст этого параграфа никак не влияет на общие выводы и Заключение работы.

В целом стиль изложения описательный, декларативный, нелогичный. В начале каждого параграфа диссертант заявляет о его содержании, но после ремарки «Вывод» в конце параграфа мы не найдем заявленной в названии параграфа тематики. И так несколько раз.

Диссертант многократно переходит с одной мысли на другую и снова возвращается к первой. Говоря об одном авторе, переходит к другому и вновь возвращается к первому. Неоднократно повторяет одни и те же мысли буквально или разными словами в одной и той же или различных структурных частях (параграфах главах) работы.

Очевидно, что диссертация написана самостоятельно, однако не содержит внутреннего единства, не содержит новых научных результатов, так как предложенные тезисы и выводы необоснованы, абсолютное большинство, если не все, положения – декларативны и не имеют доказательной базы: «подобно науке, в философии истории культуры, на наш взгляд, есть некое свое осевое время рождения сказок» (с. 20). В работе есть лишь имитация рассуждений, полностью отсутствует логика переходом между предложениями, абзацами, структурными частями работы. Диссертант неоднократно перескакивает с одного тезиса на другой, с цитирования одного автора – к другому.

Необходимо сказать об отсутствии четкой позиции автора по отношению к основной теме и предмету исследования. отождествление таких понятий как сказка, миф, мифология, традиционное сознание, традиционная культура, народное творчество, архаичное сознание сменяется размышлением о том, что сказка наследует мифу, выходит из него, определяется им недопустимо для работы, в которой сказка является основным объектом исследования. В

тексте многократно встречаются повторы, взаимоисключаемые тезисы, приводимые без какой-либо видимой логики

П. 14 положения о присуждении ученых степеней нарушается неоднократно, так как автор приводит текст иных авторов, но при этом сами авторы не называются, хотя ссылка на работу автора может и присутствовать. Кроме того, не выполнено требование этого же пункта в части обязательного указания на использование в тексте собственных работ диссертанта. Работа свидетельствует о невладении автором научным тезаурусом, постоянный выход за пределы научного дискурса. Стиль изложения в работе описательный и даже журналистский. Автор не придерживается ни хронологических принципов, ни географических, ни методологических.

Следует резюмировать, что диссертационное исследование выполнено на достаточно низком уровне для соискания степени кандидата наук. Выводы в большинстве не обоснованы, несмотря на то, что итоги исследования полностью отображены в научных публикациях автора. При этом, автореферат не во всем отражает содержание диссертационной работы, совокупность положений которой не позволяют говорить о решении научной проблемы, значимой для отрасли философских наук.

Диссертация Сулова Андрея Александровича «Концепты пространства и времени в русской сказке (философско-культурологический подход)», не соответствует пп. 9, 10 и частично п. 14 требований, предъявляемым ВАК при Министерстве образования и науки РФ к кандидатским диссертациям в «Положении о присуждении ученых степеней», утвержденном Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, соответственно, ее автор Сулов Андрей Александрович не заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 24.00.01 – теория и история культуры.

Официальный оппонент:

Менеджер Центра организации и мониторинга электронного обучения
Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет»; заведующий лабораторией социальной идентичности федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», кандидат философских наук (24.00.01 – теория и история культуры)

Даниил Евгеньевич Крапчунов

20 мая 2016 года

Подпись удостоверяю:

Ученый секретарь ученого совета федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет»

Ананьева Ольга Афанасьевна

634050, Российская Федерация, г. Томск, Пр. Ленина, д. 30.

Тел.: +7 (3822) 60-63-33, <http://tpu.ru>, электронная почта: tpu@tpu.ru, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет»